

Я ДОРОЖУ ответственною писателя. Не смею делать сопоставления, но ведь чувство ответственности испытывали и Бальзак, и Толстой, и Чехов, и Диккенс, и Хемингуэй. Сегодня в западном мире в околосредствительных кругах говорят, что подобные писатели устарели. То, что французы называют «распльчатый язык» — это мода... В Австралии, в наших университетах студенты проходят только современную модернистскую литературу. В ней придается значение только форме, не содержанию. Воображение ценят выше наблюдательности и факта. Спорного бояться. Преклоняются перед мистицизмом. Мисские произведения на современные темы глубоко пессимистичны.

Каково же мое место как романиста в мире, который создал меня, в котором я живу? Я — реалист. Высоты и глубины жизни — моя стихия, так же, как была стихией Горького. Меня трогает то же, что и обыкновенных людей: и расцвет жизни, и любовь, и потери, и поражения, и смерть, и победы. И существует это не в вакууме. Мы, писатели, также принадлежим окружающему нас миру, как рыбы — океану. Для нас нет ничего обыденного. Через призму моего воображения жизнь вокруг меня сверкает, светится, сияет, как коралл сквозь воду. Воображение освещает, оживляет обычное, как-то другое. Оно трансформирует опыт, но не заменяет его. На деле мне часто приходилось сдерживать свое чрезмерное воображение, которое выходило за рамки моего опыта и моих писательских принципов. Насколько легче было бы не собирать с такой точностью и заботой документальные основы моих книг!

Так как моя жизнь прошла под знаком войн и депрессии, эти обстоятельства играют свою роль в выборе мною тем произведений. Школьной же я росла в атмосфере первой мировой войны; мою жизнь омрачало беспокоество семьи о старшем брате, который был на флоте, и о многих кузенах и дядях, находившихся под Галлиполи и во Франции.

Я пережила экономиче-

скую депрессию 30-х годов и испытала ее ужасные последствия.

Я была глубоко втянута в события второй мировой войны (первая японская бомба в Австралии взорвалась в моем садике в индустриальном городе, где я жила). Последующие двадцать

тожную пенсию по инвалидности. Я поселилась на красивых Голубых горах, которые изобразила в романе «Скажи смерти «нет!»». Несколько позднее в соавторстве со своим замечательным другом Флоренсом Джеймсом мы начали писать роман о жизни в Сиднее во

В 1959 году мы с мужем отправились в путешествие по социалистическим странам, которое продолжалось три года. Мы стали птицами, которые в годы холодной войны побывали и на Западе и на Востоке. В этот период вышла книга «Каникулы среди русских» и другие. Мы пробыли 5 месяцев в ГДР и долго жили в Западной Германии и в Западном Берлине. «Жаркое лето в Берлине» было задумано и писалось в старом замке в Судетах. Роман стал сенсацией 1961 года на Западе. Было сделано несколько телевизионных передач в Англии, он издавался в разных странах и в Советском Союзе.

Домой в Сидней мы вернулись в 1962 году. Полтора года я работала над книгой «Черная молния», выражающей мой гневный протест против условий жизни женщины и аборигенов в Австралии. Роман этот вышел в Англии. Затем мы снова путешествовали — побывали в Англии, Югославии, Венгрии. Я собирала материал и делала наброски к роману «Солнце — это еще не все». Книга появилась в 1967 году.

Тогда же мы вернулись в Австралию. Возбужденная ужасной, несправедливой войной во Вьетнаме и продолжающимся угнетением аборигенов, я написала «Полусгоревшее дерево». Книга вышла в Англии и только в декабре этого года будет опубликована в Австралии.

Как я пишу свои книги? Они появляются в результате моих мыслей, чувств, переживаний, глубоко проникающих в мое сердце и разум. Это может быть подсознательный толчок, как было с романом «Жаркое лето в Берлине» или результат моего непосредственного опыта — как «Скажи смерти «нет!»» или как роман «Солнце — это еще не все», который писался медленно и долго, в течение целых пятнадцати лет.

Роман, который выйдет в Лондоне следующей весной, освещает события 1968—1969 годов, имевшие место в Австралии. Он на сугубо австралийскую тему, но одновременно касается и международных проблем. Это история жизни двух женщин и их трагедии. Свидетелем этой трагедии я

БЕСЕДУ ВЕДЕТ АВТОР

Большой популярностью пользуются у советских читателей романы прогрессивной австралийской писательницы Димфны Кьюсак и «Скажи смерти «нет!»», «Жаркое лето в Берлине» и «Солнце — это еще не все». Димфна Кьюсак — федеральный президент Товарищества австралийских писателей и президент Товарищества штата Новый Южный Уэльс. Много сил отдает она защите мира, борьбе против войны во Вьетнаме, против расизма в Австралии, укреплению дружбы с Советским Союзом и социалистическими странами. Сейчас Димфна Кьюсак по приглашению Союза советских писателей гостит в нашей стране.

Редакция «Книжного обозрения» попросила писательницу рассказать читателям о своем творчестве. Публикуем ее статью в переводе с английского Е. Я. Домбровской.

На снимке Н. Кочнева — Димфна Кьюсак и ее муж Норман Фрихилл (журналист, председатель Общества «Австралия — Советский Союз» штата Новый Южный Уэльс) на Красной площади в Москве.

МОЕ РЕМЕСЛО

Димфна КЬЮСАК

Пять лет я прожила в обстановке холодной войны, в путешествиях по капиталистическим странам; в социалистических странах я почувствовала во всем, что видела, много надежд.

Все это повлияло на мое творчество. Действительно, в моих темах, в изображении места действия можно заметить автобиографические черты.

В 1935 году мой роман «Юнгфрау» о сиднейской студентке и о проблеме ее жизни и любви был встречен как новаторская тема в австралийской литературе. В том же году я написала историческую пьесу «Красное небо поутру», основанную на фактах жизни моих ирландских предков, которые как борцы против английского владычества были одними из первых высланы в восемнадцатом веке в Австралию. Тема пьесы «Кометы скоро проносятся» (1942) связана с местными событиями. В другой — «Подопри небо» (1943) — несчастья войны связаны с деятельностью органов войскового снабжения.

Затем я тяжело заболела, и мне дали от департамента образования нич-

время войны и об американцах в Сиднее. Называется роман «Орел или репка» (в статье о Кьюсак в СССР роман иногда назывался «Азартная игра». — Ред.). Он получил главную литературную премию в Австралии. И все же его никто не хотел издавать, поэтому на полученную премию я поехала в Англию и взяла с собой три рукописи, непригодные, по мнению наших издателей, к публикации: «Скажи смерти «нет!»», «Южная сталь» и роман, отмеченный премией. По выходе в свет «Орел или репка» (1952) сразу стал бестселлером в Англии и Америке, и, к моему изумлению, таким же стал «Скажи смерти «нет!»».

В романе «Солнце в изгнании» (1954) через судьбу героини, австралийской девушки, которая вышла замуж за нигерийца, раскрывается расизм в Лондоне. В следующем году мой муж и я посетили Западную Германию и пришли в ужас от подъема в ней неонацизма и милитаризма. В пьесе «Тихоокеанский рай» я протестовала против испытаний атомной бомбы.

была сама, а то, что не видела собственными глазами, услышала от них.

Что касается моей манеры письма, то я веду заметки и собираю их целую кучу, с тем чтобы больше их никогда не видеть, создаю для себя манет, а затем уточняю отдельные факты. У меня и сейчас груды заметок и я не могу с ними расстаться до тех пор, пока новый роман не увидит свет. Должна отметить, что слово «писать» для меня не совсем точно. Я диктую; это привычно, и я лучше думаю, когда я вижу перед собой микрофон. Машинописный текст, сделанный после расшифровки, — мой первый эскиз. Далее я сажусь за работу, т. е. оркеструю то, что было продиктовано. Теперь мне нужно все это организовать и создать сюжет и героев. Например, 23-я глава романа «Жаркое лето в Берлине» была создана первой, хотя она — кульминация взаимоотношений Стивена и Джой, источник конфликта.

Затем уточняется план, иногда появляются другие мысли, которые заслоняют прошлое, иногда что-либо уточняется у специа-

листов. Например, четыре экземпляра рукописи романа «Скажи смерти «нет!»» были отправлены врачам и пациентам санатория для уточнения. Я написала шесть вариантов «Солнце — это еще не все», прежде чем была удовлетворена и считала книгу законченной. Дискуссия о рассказе «Награжденный человек» заставила меня переписать последние страницы романа. Наброски романов «Черная молния» и «Полусгоревшее дерево» были прочитаны моим темнокожим другом, президентом организации аборигенов.

Книга, которая будет напечатана в следующем году, прошла через руны психиатров как документ, а не как роман.

Писать — мое ремесло. Я не решаюсь сказать «искусство». Самое захватывающее в жизни писателя то, что никто не знает тот момент, когда масса материалов, движимая своей независимой жизнью, входит в жизнь писателя, переплетается с ней и становится романом, который иногда живет дольше своего создателя.